

Олга Коркина

Матешка на острове Бучи

Ольга Коркина

Матешка на острове Буяне

«Автор»

2026

Коркина О.

Матешка на острове Буяне / О. Коркина — «Автор», 2026

В мире, где древние боги плетут нити судьбы, а лес хранит вековые тайны, юная Матешка вступает на путь испытаний. Оторванная от родного дома, она получает от загадочной старухи три странных дара — камешек силы, ложку мудрости и пуговицу судьбы. Но это лишь начало её путешествия по таинственному Острову Буяну. В лабиринте загадок её ждут говорящая печь, колодец забытых тайн, проказник Ряха-шалунишка и река забвения. Каждый шаг может стать последним, каждое решение — роковым. Матешке предстоит не только выжить, но и разгадать тайну острова, определяющего судьбу целого мира. Сможет ли она сохранить то, что держит в руках, или придётся всё разрушить? И что, если сама Матешка — ключ к спасению мира? Древние силы уже проснулись, и время пошло...

© Коркина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зачин. Остров Буян, которого не будет	5
Зачин. Остров Буян, которого не будет	5
Глава 1. Подарки, что отметят путь	8
Глава 2. Уговор на один вопрос	11
Глава 3. Отражение, что не лжёт	14
Глава 4. Сговор у ограды Светозара	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Коркина

Матешка на острове Буяне

Зачин. Остров Буян, которого не будет

Зачин. Остров Буян, которого не будет

Неужели и правда всё получилось? Остатки большого соломенного чучела дотлевали на общинной поляне, а Матешка, машинально теребя край платка, не могла оторвать от них взгляда. Вспыхивали и гасли шальные искорки, а перед глазами водили хоровод картины последних дней.

Безутешно рыдала Ружанка. Не красоваться ей перед подружками по осени в шелковом натемнике. Не носить ей этих златотканых птиц, вышитых с таким усердием. Ничего не сбывается. Всё перечеркнуло известие о занемогшей Велене. Для неё, старшей дочери Лучислава, это означало только одно — отправляться на остров Буян в учение-услужение.

— И за что мне всё это, Матешенька? — уткнувшись в сестринское плечо, глухо произнесла она. — Ну не могла эта Велена позже занемочь? — голос сорвался на всхлип, плечи сотрясались от рыданий. — Неужели наша Олышана не в силах ей помочь? Ну почему я-то? — и будто ища опоры, крепко сжала её руку.

Тихонько покачивая сестрицу, словно убаюкивая, приговаривала Матешка:

— А может, это и к лучшему, Ружаночка? Никому судьба его не ведома. Может, и не со Златаном счастье твоё? А как раз в этом — в продолжении дела Велены? А совсем ослепнет она, как же тогда нам быть? К кому чуть чего обращаться за помощью да бережением?

— Да Златан тут и вовсе не при чём, — потупила взор старшая сестра. — Нынче на Купалин день сговорились мы прыгать через костры со Светозаром. А там, по первопутку, и сватов обещал заслать.

Вспыхнули щёки у Матешки — как всегда при упоминании этого имени. В груди защемило, к горлу липкий ком подкатил, дыхание сбилось.

— Со Светозаром? — выдохнула она предательски дрогнувшим голосом и бросилась вон из комнаты.

Три следующие седмицы Матешка жила, себя не помня. Днём как заведённая хлопотала по хозяйству, матери в помощь, а ночью... В неверном свете луны смотрела на сестру и пыталась придумать план спасения. “Со Светозаром... сватов обещал заслать...” — всплывало в памяти сказанное. И сердце сжималось от боли, горечи и обиды. Но гнала она мысли эти прочь. “Не время думать о себе. Сестра должна остаться”.

Если же удавалось уснуть, приходили кошмары. То тонет Ружанка в тёмной холодной воде — и ни одной ветки, ни одной травинки, за что ухватиться. Протягивает к ней руки Матешка, да тщетны усилия. То сама она истаивает как дым от общинного костра на поляне — едкий, горький, уносимый ветром туда, откуда не будет возврата. То исчезает сестра в сером предрассветном тумане, душном и беззвучном. И мечется Матешка по причалу, которому нет конца, а туман всё гуще.

Просыпалась в липком поту, долго лежала с закрытыми глазами, прислушивалась к гулким и неровным ударам сердца. Пальцы в тревоге комкали край одеяла, а в ушах стоял наплаканный зов сестры: “И за что мне всё это, Матешенька?” Приходилось закусывать губу, чтобы не разрыдаться в голос.

Дни летели, как листья на осеннем ветру. Время уходило, и Ружанка, готовясь к предстоящему путешествию, разбирала вещи в сундуках: что с собой взять, что сёстрам да соседкам раздать.

— Красота-то какая! — воскликнула Матешка, невольно залюбовавшись представшей перед ней картиной. Солнечный луч, пробившийся сквозь оконце, лег на вышитых алых птиц, заставив их словно вспорхнуть с ткани белоснежного рушника. В груди привычно заныло: вот так и сестрица на волю стремится, да жребий другой выпал — заточение на острове Буяне.

Старшая сестра, склонившись над сундуком, недовольно повела плечами и даже не обернулась — до того ли сейчас. Мысль, дерзкая и пугающая, шевельнулась в голове. Сердце ёкнуло, застучало чаще, а пальцы сомкнулись на мягкой ткани.

Решение пришло внезапно, простое и ей вполне посильное, да риск был велик. Подумает кто на Матешку — не миновать беды, ни ей, ни всему роду Лучиславичей. Ладонью провела по узору, запоминая каждую линию, каждый стежок. “К добру ли, к худу ли, а будь что будет”.

Через три дня у колодца остановила её баушка Ольшана:

— Чёй-то ты, девонька, бледная да нервная? Глаза горят, руки дрожат. Ты не заболела ли, Матешенька?

Вздрыгнула девица, покачнулись вёдра — заплескала водой и себя, и Ольшану.

— Хорошо всё, баушка, — выпалила скороговоркой, избегая взгляда ведуньи. Нервно поправила платок на голове, оправила подол, пытаясь унять дрожь в пальцах. — Не спалось что-то ночью прошлой...

— Охохонюшки, детонька. Вижу, печаль-кручина на сердце у тебя. Уж не задумала ли чего худого? Не гневи богов — они шуток не любят.

Слова баушки Ольшаны камнем легли на душу. Но пути назад уже не было. Старушка, ласково потрепав её по щеке, прибавила: “Не всё, что горит, в пепел обращается” — и пошла прочь.

— Значит, так тому и быть, — начала Матешка вечером. Прямые плечи, высоко поднятая голова, твёрдый взгляд — такая решительность удивляла в обычно тихой и покорной девице..

— Знаю я, как горю твоему помочь. — Голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Провожать тебя, Ружа, по обычаю, староста наш, дядька Бронислав будет, а он-то уж очень охоч до порядку. Как дедами-прадедами завещано — так и было всё чтоб.

— Чё-т не пойму я, к чему ты это, Матешенька?

— А к тому, что придумала я, как пособить. Но ты у меня сейчас ничего не выпытывай. Всё сделаю как надо. Не сомневайся. И ничему не удивляйся.

И сделала. Сгорел рушник подорожный, без которого Ружанке лёгкий путь и скорое возвращение были заказаны. Без этого не пустит её староста Бронислав, побоится гневить заступницу-Макошь. А у Матешки вот он, рушничок, цел-целёхонек, хоть сейчас за тридевять земель отправляйся. Не то что до острова Буяна.

Глава 1. Подарки, что отметят путь

Глава 1. Подарки, что отметят путь

Море. Солёные брызги. Вольный ветер. Мерное покачивание лодки в такт скрипучим взмахам вёсел.

Море. Солёные брызги. Свежий ветер. Матешка вздрогнула и поплотнее укуталась в платок. Как долго они уже плывут? Память услужливо подсовывала картинки.

Тоненькая ниточка сердито поджатых губ мамы — как всегда, когда младшая дочь в очередной раз нарушала запрет. Вот только теперь не к старому колодцу она бежит на судьбу загадывать в глухую полночь, а обет общинный исполнять.

Благодарная улыбка и недоверчивый взгляд синих глаз сестры. Та единственная понимала в чём дело, но не в силах была помочь. Да и не требовалась ей ничья помощь. Сама сделала выбор.

Привычно сгорбленный отец с непривычно потухшим взором. Ни слова не произнёс, когда староста Бронислав огласил свой вердикт. Одного воспоминания об этом было Матешке достаточно, чтобы съёжиться, окаменеть, сгинуть в пучине морской.

— Ну чё встала, как засватанная?! Узел в руки и отчаливай. Недосуг тут с тобой возиться. Мне еще обратный путь предстоит!

К ворчанию деда Баламира Матешка давно привыкла, знала, что нет в нем настоящей злобы. Еще плотнее укуталась, покрепче сжала в руках узелок с нехитрыми пожитками и, не оглядываясь, шагнула за порог. В смысле, прыгнула за борт лодки.

Ух! Ледяная вода обожгла ноги. Наверняка и подол праздничного наряда вымок. Но это все потом, некогда стоять, раздумывать, себя жалеть. Промедление смерти подобно. Шаг по скользкому каменистому дну. Ещё шаг по заросшему водорослями мелководью. И ещё.

Так, до берега добралась. Куда теперь? Закрыла глаза, собираясь с силами, чтобы не заплакать, не завывать, не побежать вслед за удаляющейся лодкой. Оглядываться нельзя — удачи не будет. Это она помнила крепко.

Стоять холодно. Надо идти. По солнцу — как учил ее Яросвет, известный на всю округу охотник. Только где сейчас та округа и тот охотник. А Матешка вот она, туточки, шаг за шагом и до прибрежных деревьев добралась. На минутку прижалась к сосне, к шершавой коре ее прикоснувшись, губы сами собой повторили слово заветное, от проделок Лешего уберегающее, и дальше. В лес.

Ага, вот и избушка. Добралась под треск сухих веток под ногами да перестук дятла вдалеке. Ветер доносит тонкий запах сушёных трав и чего-то пряного — то ли грибного, то ли мохового. А в голове только посказульки да попевки баушки Олышаны. Об избушке на курьих

ножках. О Бабе-Яге-Костяной-Ноге. О загадках-испытаниях для добрых молодцев и красных девиц.

Курьих ножек нет. Бабы-Яги не наблюдается. Добрых молодцев и красных девиц поблизости тоже не видать. Только они тут и есть: Матешка да ее усталость. Постояла, судорожно вцепившись в края платка. И от неожиданности чуть не села где стояла.

Глядь, ей навстречу — старуха. Голова непокрыта, белая коса — девицам на зависть, лежит сугробом, ни один волосок не шелохнется на ветру. На шее — кожаный шнурок с нанизанными камешками и сухими бусинами ягод, то ли оберег, то ли счёт прожитых лет.

Зажмурилась, затем медленно открыла глаза — видение не исчезло. Вздохнула поглубже и только собралась поприветствовать, как в родном доме научили, старуха сама забормотала, остановившись недалеко.

— Долго добираются нонче красны девицы, — и, казалось, сам ветер подхватил её ворчание, разнося по округе шелестом листвы. — Так, что приходится своё заделье откладывать да встречать их идти.

Тут только Матешка заметила, что глаза у старухи разные. Один — карий, тёплый, как покрывавшая землю по осени листва. Другой же — голубой, холодный, как замерзший по зиме ручей.

— Это где же на свете видано, чтобы возраст за молодостью ходил?

Провалиться бы на этом самом месте, но отступать некуда, позади лес, море, лодка уплыла, до дома не добраться, да и не поймут и не примут ее дома. Покраснела, узелок с пожитками крепче прижала и, поймав паузу в старухином ворчании, пролепетала:

— Мир вашему дому.

Старуха — будто больше ростом стала — выпрямилась, прожгла гостью взглядом, но ничего не сказала, а только пальцем за собой поманила. И, развернувшись и ни разу не оглянувшись, важно прошествовала за угол своей избушки. Ни травинки не примято, будто плыла над землей, горделиво неся снежно-белую косу. То ли у страха глаза велики, то ли солнечные лучи так играли, но чудилось девице, будто при каждом движении бабки мелькают в воздухе яркие искорки.

Что там, за поворотом? Широкая скамья, цветастым платком покрытая. Матешка даже моргнула пару раз. Нет, не показалось, так и есть — на богато украшенном вышивкой платке куча сору всякого: какие-то перья, лоскуты, камешки, пуговики, мелкие веточки, сухие листья, хвоинки. Нет, ошиблась, не кучей, а разложены как на ярмарке у бойкого торговца.

Остановилась старуха, посмотрела на застывшую в молчании гостью. И завораживающие глаза её видели не только отважно-испуганную девицу, но и всё, что было с ней прежде, и всё, что будет потом.

— Ходят тут всякие, — и вновь ветер подхватил старческое бормотанье, разнося по округе шелестом листвы. — Сами не знают, что им надо! От дел отрывают...

И вдруг громко и чётко произнесла:

— Судьбы своей не знаешь, девица, — воздух вокруг дрогнул, как от жаркого пламени.
— Так быть по-моему. Как решу!

Пальцы, узловатые, как корни старого дуба, замелькали над разложенными сокровищами. Казалось, старуха читает невидимую книгу судеб, задумчиво шевеля губами в такт.

Первым был извлечен камешек. Зеленовато-голубоватый, точно под цвет глаз Матешки, с белыми волнистыми линиями. Он лёг в протянутую ладонь, прохладный, гладкий, почти живой. На миг показалось, что белые полосы сложились в знак — предупреждение или обещание.

Затем юная гостья получила старую деревянную ложку, покрытую трещинами, словно морщинами. На ручке прощупывался едва заметный узор — переплетения стеблей и листьев. Может, и не узор это вовсе? А карта — с извилистыми реками, тёмными лесами, далёкими горами?

Последней из рук в руки перешла медная пуговка, зеленовато-жёлтая, с неразличимым рисунком. Матешка всмотрелась: то ли полевой цветок, то ли родовой оберег, стёртый временем до неузнаваемости. Что это? Память о чём-то потерянном? Или о доме, которого больше нет?

“Камешек — сила земли, — замелькали мысли. — Ложка — тепло дома. А пуговка... пуговка — знак судьбы. Застёгивай путь, да не ошибись.”

— Благодарствую, бабушка, — решительно выдохнув, начала было девица. Да старуха не стала и слушать, а цыкнула на неё, руками замахала, как надоедливую куру отгоняла, свернула весь свой сорный товар в платок и скрылась в избе.

Матешка отчетливо услышала, как дверь закрыли на засов — противный скрип эхом отозвался в лесу. Значит, здесь не приветят, не накормят и спать не уложат. И куда теперь? И что делать с подношениями странной старухи? “Три дара, три испытания, три пути”, — прозвучало в голове, хотя рядом никого не было.

Постояла, задумавшись. Стой не стой, а пока солнце высоко, можно уйти ой как далеко. На полянку бы выбраться, да просушиться. И подкрепиться не мешает. Почему-то почудилось как старуха смотрит через дверь своим прожигающим взглядом, злым, неприветливым, подгоняющим.

Молча поклонилась и повернулась спиной. Ладонь крепко сжимала три предмета — три загадки её новой судьбы. Шаг за шагом она шла прочь, ориентируясь по солнцу, как учил известный на всю округу охотник Ярсвет. Только где теперь тот охотник и та округа?

Глава 2. Уговор на один вопрос

Глава 2. Уговор на один вопрос

Что это? Никак дымом пахнет? Матешка так и застыла на месте от одной только мысли: “Пожар!” Принюхалась, пытаюсь сообразить, откуда тянет и куда тикать в случае чего. Ан нет, у этого дыма иной запах, жилой. И память снова услужливо преподнесла свои картинки: вот мама неспешно заводит опару, вот пыхтит на припечке квашня, того и гляди, убежит, вот на лопате каравай важным господином отправляется в печь.

Про каравай то она зря вспомнила, конечно. Под лежащий камень вода не течет. С хлебом-солью ее здесь не встретят — придется своими ногами до этого призывного дымка дотопать. Шаг. Ещё шаг. И слёзы сами навернулись на глаза. Неужели Леший не внял словам заветным, а закружил-запутал её в незнакомом лесу. Откуда ушла туда и пришла. Избушка. Того и гляди снова старуха выйдет и бормотать-причитать начнёт.

Взгляд сам собой остановился на зажатой в руке деревянной ложке. А может, не зря старуха ею одарила? Может, теперь-то и накормит, и приветит? Может, это добрый знак? Посмотрела на избушку. Та, да не та. Тут и крыльцо есть, и наличники с другим узором. Вот дурёха! Изба — она везде изба и есть, да двух похожих не сыскать. Повеселев, Матешка скинула узелок, аккуратно на нем подношение старухино устроила и решила немного оправиться, косу переплести да дух перевести, прежде чем неизвестным добрым людям на глаза такой растрёпкой попадаться.

И похолодела. Да что ж такое! Это она вот так в рубаше наизнанку такой путь преодолела! Стыд-то какой, ведь сколько людей её такой неряхой видело: и пока собиралась, и пока провожалась, и пока с родными прощалась, и пока на лодке с дедом Баламиром добиралась... Хоть бы кто слово сказал! Топнула с досады ногой да и вспомнила присказку баушки Олышаны: “Наизнанку носить — битому не быть”. Ну хоть в этом повезёт, авось не побьют. И с этими мыслями Матешка отворила дверь в избу.

* * * * *

Заготовленная речь про мир вашему дому да хлеб-соль не пригодилась. Матешка с беспокойством оглядывалась в горнице, не отходя от порога. Тепло. Светло. Чисто. Да, это и смущает. Так чисто, как перед праздником большим или гостями долгожданными. А не видать никого. Страшно, язык за зубами прилип, сердечко стучит, а в голове одна мысль: “Ну куда тебя сразу в избу понесло? Нет бы обойти кругом. А теперь что?”

Будто кто-то её под руку подтолкнул. Оглянулась: позади лишь дверь. Никого. А два шага вперед от неожиданности уже протопала, гостя незваная. Ещё шаг и рука по привычке потянулась к заслонке, а глаза уже примечают ухват. Ну прям как дома — что есть в печи, все на стол мечи. Ой, узелок-то с пожитками и странные подарки странной старухи у крыльца остались.

Обратно к порогу да тут ноги к полу приросли. Во все глаза разглядывала... Старика? На вид — точно дед, в шубу одет, сторбленный, сморщенный, волос седой, косматый, весь в пятнах сажи. Ну да, точно, она же заслонку потянула, а он из устья получается и вылез? Грел там свои косточки стариковские? А то хворь простужную выгонял?

— И ходють, и ходють, — проскрипел хозяин, вытирая сажу с лица рукавом. — Ни днем, ни ночью от них ни сна, ни покою!

Матешка вздрогнула и невольно отступила на полшага.

— А ну, живо говори, — голос деда взметнулся до крика, — зачем припожаловала? Зачем меня побеспокоила?!

Он сделал шаг вперёд, она прижалась к дверному косяку.

— По делу? — старик прищурился, склонив голову набок. — Да какое дело у девицы может быть, — он хмыкнул, разглядывая гостью с головы до ног. — Одно дело — красный молодец, богатырь, косая сажень в плечах. А ты...

Нервно сглотнула, не решаясь поднять глаза. Тот подошел ближе и спросил шёпотом:

— Ну, чё застыла? — и тут же рывкнул. — Воды в рот набрала?!

Девушка вздрогнула, руки сами сжались в кулаки.

— А ты ее приносила? — задумчиво завершил старик. — Прежде чем испить, разрешения спросить... Не забыть... — и потер лоб, будто сам себе напомнил. — Ну, отвечай! Кому говорю?

Матешка подняла глаза, набрала воздуха и едва слышно пролепетала:

— Здрав будь, дедушка...

Станный хозяин избушки резко обернулся, прищурился и медленно обошёл её кругом, постукивая пальцем по подбородку.

— С языком порядок? — буркнул он, наклоняясь к её лицу. — Ну и славно. А то как тебя уму-разуму учить, ежели с тобой и не поговорить?

Матешка затаила дыхание, чувствуя, как колотится сердце.

— Ну, чё ты всё стоишь да на меня безотрывно глядишь? — прошипел старик. — Чё, скажешь, ни разу Хозяюшку-Печенника не видала и за всю жизнь ни разу не встречала? — он отступил на шаг, скрестив руки на груди. — Аль просто не признала меня?

Ах, так это Печенник! Ой, заговорит он её сейчас. Так и забыть недолго, по какому делу её сюда отправили. А здесь хорошо: тепло, светло, чисто. Может, это и есть конец её пути? Тут и остаться?

Моргнула, зажмурилась, отгоняя наваждение, набрала воздуха и не обращая внимания на громкоголосое причитание старичка — вроде в чем только душа у него держится, а взгляд хитрый, острый, насквозь всё видит и всё про неё знает и понимает — произнесла слова заветные, как дома учили:

- К добру или к худу?

Помогло! Матешке даже дышать легче стало, а Печенник, кряхтя, полез обратно в устье, рассерженно гремя горшками-чугунками.

— Ну, чё смотришь?! — прикрикнул снова дед. — Заслоняй! Да как положено вопрошай: на твой вопрос я три совета дам. А будет ли средь них ответ — мне про то неведомо. Ну?!

Медленно, как будто и не она это вовсе, Матешка подошла к шестку, поставила заслонку на место и задумалась. А как положено вопрошать? К этому ее и не готовили вовсе. Хотя, по правде сказать, её ни к чему из того, что приключилось, не готовили. Ну, была не была! У неё рубашка наизнанку — не побьют за спрос:

— Куда дальше путь держать мне, дедушка? — тихонечко произнесла, совсем смутившись, гостья незваная. — Как добраться...

— Уговор на один вопрос! — злобно пророкатало в печи.

Матешка невольно выпрямилась, затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово.

— Слушай да запоминай, — голос старика стал глухим, он почти шептал. — Дважды не повторяю!

Пришлось наклониться к самому устью, когда Печенник начал в такт своим словам постукивать горшками в печи — вздрогнула.

— Ступай с крыльца, — бряк-стук в печи, — по следу зайца.

— Как дойдешь до трёх осин, — еще бряк-стук в печи, — иди по берегу трясин.

— А увидишь грибной круг, — бряк-стук повторился, — подарок бабки не забудь.

— Всё! Ступай! — громынуло в печи.

Девушка кивнула, повторяя про себя наказ и загибая пальцы: “След зайца. Три осины. Берег трясин. Грибной круг. Подарок бабки.”

Тихо. Тепло. Светло. Остаться бы здесь — согреться у печки, забыть обо всех тревогах. Да нельзя, путь не ждёт. Матешка последний раз оглядела горницу, вдохнула запах тёплого хлеба, который всё ещё витал в воздухе, и, собрав волю в кулак, бросилась на улицу. Узелок с пожитками привычно оттягивал руку — теперь в нём была не просто ноша, а часть подсказки.

Глава 3. Отражение, что не лжёт

Глава 3. Отражение, что не лжёт

“Ступай с крыльца по следу зайца”, — повторяла про себя Матешка, словно заклинание. “С крыльца. Ступай. Ступай с крыльца. По следу зайца.” Интересно, а если бежишь вприпрыжку, огибая одни сосны посолонь, а другие — противосолонь, не разбирая троп и дорожек — это считается? Додумав на бегу эту мысль, она остановилась. Как можно распознать след зайца летом? Об этом почему-то никогда не рассказывал Яросвет, известный на всю округу охотник. Только другая сейчас округа и она сама себе тут известный охотник.

Да, округа действительно другая. Не иначе, скоро будут три осины и трясина? Или и этим словам лучше не доверять? Взгляд снова упал на зажатую в руке деревянную ложку. Да уж, щец она знатных нахлебалась, что со странной старухой, что с болтливым Печенником. Самое время подкрепиться, отдохнуть да продолжать свой путь. Солнце ведь еще высоко, до зорьки вечерней успеть добраться до места надобно.

С этими мыслями хозяйственная Матешка развернула на травке свой узелок и разложила снедь нехитрую. Мама собирала, сестрица помогала — так и чудится, будто запах дома родного в воздухе витает. Память снова начала услужливо картинки жалостливые подсовывать, да слезами горю не поможешь. Не время сейчас. И не место. Вот кваску бы сейчас с ледничка, холодненького. Милое дело. Или хоть водицы-студеницы. Да даже и тёплой. Всё лучше, чем на сухую мять-жевать.

Надо вставать и искать. Родник. Ручеек. Речку. Колодец какой никакой. Живут же здесь, хм, люди, значит, и вода где-то быть должна.

* * * * *

Колодец отыскался на удивление быстро — словно сам подступил из сумрака леса. Вот только пить из него Матешка не спешила. Уж больно неказисто он выглядел. Тёмный, чёрный, с прозеленью мха, того и гляди завалится или внутрь обвалится. Из глубины доносился слабый запах сырости и чего-то древнего, забытого временем. Тишина вокруг стала гуще — даже птицы умолкли, оставив лишь шелест травы у ног да собственное учащённое дыхание.

Несколько раз обошла, примеряясь, где ловчее крышку сдвинуть или откинуть. Ага, вот здесь вроде и выемка удобная. Как раз рукой подцепить и... Ой! Что-то склизкое и холодное выскочило сквозь пальцы, заставив отдёргнуть руку. Вздогнула — душа в пятки, сердечко к горлу. А это лягушка. Вернее, лягушонок. Тоже испугался видать, бедненький, вон как трясется весь от макушки до самых пальцев своих смешных перепончатых. Прижав лапки к груди, он сидел на траве в двух шагах и часто-часто моргал, будто не мог поверить, что спасся. В воздухе повисло едва уловимое дрожание, словно отзвук немого вскрика.

Отвернувшись от неожиданного соглядатая, Матешка сдвинула наконец крышку колодца. От свежего влажного запаха пить захотелось еще больше. Лягушонок тем временем подобрался ближе, замер у края и, склонив голову, с любопытством уставился на воду. Казалось, он чего-то ждал.

Наклонилась пригоршней воды почерпнуть. В тот же миг ладонь обожгло холодом — не от воды, от забытого страха. Отпрянула, чувствуя, как по спине пробежал колющий озноб. Лягушонок возмущенно квакнул и только шевеление травинки показало направление его поспешного бегства. Недалеко, но на безопасном расстоянии от этой чересчур порывистой девицы.

А та продолжала свои странности: оглянулась, зажмурилась, пробормотала невнятно: “К добру или к худу”, — открыла глаза и снова склонилась над колодцем. Однако наваждение не рассеялось - водная гладь не Матешку показала. Вернее, не одну лишь Матешку.

Сначала увидела себя — бледное лицо, расширенные глаза. Но вода вдруг потеплела, заиграла изумрудными бликами, и отражение начало тускнеть. Сквозь него, слой за слоем, проступал другой образ: сначала — смутный контур, потом — яркие цвета вышивки, наконец — весь рушник, целёхонький, будто только что из рук матери. Как же она могла подумать, что огонь всё уничтожил? Что прошлое можно сжечь, как сухую траву?

В ноздри ударил запах гари — резкий, удушливый, словно огненные язычки до сих пор лизали края воспоминаний. Дым от общинного костра, треск горящей ткани, тот самый узор, что корчился в пламени. Она вдохнула глубже, будто надеясь, что запах исчезнет, но он только усилился, выталкивая наружу давнюю тайну. Казалось, вода пульсирует в такт сердцебиению. Щёки стыдом горят да сделанного не поворотишь вспять.

Да, это она спрятала то злосчастное полотенчко. И не просто спрятала, а сожгла. Припрятанное же нашли бы рано или поздно. Дознались бы, что да как. А так — огню отдала, будто и не было его никогда. Обыскалась тогда его Ружанка да и осталась дома. Всякий знает: без дорожного рушника не скатертью будет дорога, а одно огорчение только и выйдет.

Тогда ей казалось, что все правильно сделано. Ей этот путь Доля уготовила, не сестре. И сгорел дорожный оберег без остатка, ни лоскутка, ни ниточки не осталось. И на тебе — вот он, цел-целёхонек, в колодце за тридевять земель от дома родного спокойно плавает. Да только прикасаться к нему боязно. И стыдно. Ещё сильнее щёки алеют, и кажется от жара этого ещё сильнее пить хочется.

Лягушонок тихо квакнул — не громко, а так, будто сочувствовал, — и перепрыгнул на другой край колодца, не сводя с Матешки внимательного взгляда. Она выпрямилась. Оглянулась. Взгляд снова остановился на деревянной ложке, торчащей из узелка с пожитками. Эх, была не была! Рукой боязно, так, может, ложкой попробовать этот рушник отодвинуть да колодезной водицы напиться.

Приободрившись и вооружившись, девица наклонилась над колодцем. И снова резко выпрямилась. Что за наваждение? Теперь в стоялой воде отражались лишь она и её ложка. Лягушонок нетерпеливо квакнул, подпрыгнул и уселся прямо на узелок с пожитками, словно говоря: «Пей ты уже, не бойся!»

Но удивляться и раздумывать некогда: не выпуская старухин подарок из рук, Матешка зачерпнула в пригоршню и стала жадно пить. Вода коснулась губ — прохладная, с привкусом чего-то древнего, как лес, притихший вокруг. В голове прояснилось, а в сердце затеплилась уверенность: колодец дал знак, что она на верном пути. Лёгкий ветерок коснулся лица, в кронах деревьев защebetала птичка, а лягушонок, напутственно квакнув, скрылся в высокой траве.

Глава 4. Сговор у ограды Светозара

Глава 4. Сговор у ограды Светозара

Неужели и правда всё получилось? Белым платочком — как велено по обычаю — вслед долго махала сестре Ружанка. Белый цвет — на счастье, на добрую дорогу. Губы шептали старинное напутствие, как баушка Олышана научила, а каждый взмах руки — широкий, отчаянный — скреплял эти слова.

Солнце слепило, отражаясь от воды тысячами ослепительных бликов — приходилось щуриться, стараясь запомнить каждую деталь: выбившуюся прядь волос, вышивку у ворота рубахи, блеск гребня в косе Матешки. Хрупкая фигурка на корме обернулась, вскинула руку, а ветер принёс обрывок песни — то ли прощальной, то ли задорной.

От недобрых предчувствий заныло в груди: уж слишком легко сестрёнка прощалась, слишком весело смеялась. Пусть дорога будет лёгкой, пусть ветер будет попутным, пусть... Опустилась уставшая рука, безвольно повис в пальцах платочек. Тотчас подхватил его шаловливый порыв ветра и потянул вверх — Ружанка машинально сжала ткань крепче.

В ушах стоял мерный плеск волн о дерево мостков, перемежающийся далёким криком чайки. Свежий запах воды с примесью тины смешивался с ароматом цветущих яблонь, а прохладный ветерок ерошил волосы и бросал в лицо холодные брызги. Лодка давно превратилась в тёмную точку на сверкающей глади реки.

Тяжело и гулко стучало сердце. Верила и не верила она счастью своему. Интересно только, куда рушник подорожный припрятать сумела её сестрица? Хорошенько так — мать и то отыскать не сумела. А может, и не Матешка это? Иль подговорила кого?

Недосуг сейчас это размышлять. Главное, она осталась дома, птица вольная — куда хочу, туда лечу. Оглянувшись украдкой — не следит ли кто? — поклонилась трижды на восток и засемила по тропке от причала общинного.

Ближайший колок встретил её стеной зелени и прохладой. Папоротники хлестали по ногам, а колючие ветви цеплялись за подол. В ушах звучал оркестр леса: скрип старых деревьев, шорох опавшей листвы под ногами, треск сучка где-то в глубине. Терпкий запах хвои смешивался с сыростью влажной земли и прелью опавших листьев. Лучи солнца пробивались сквозь кроны, создавая на земле причудливые узоры света и тени, похожие на следы неведомых зверей. Ружанка торопливо перепрыгивала через упавшие ветви, не сбавляя хода, а губы продолжали шептать: «Лес — не враг, тропа — не ловушка, ветер — попутчик, луна — указушка.»

Огороды показали спасением — открытая местность, прямая дорога. Да не тут-то было — ловушки поджидали на каждом шагу. То канава с водой, то гряда высокая, то жгучая крапива вдоль плетня, к которому прижималась девица, силясь оставаться незамеченной. Вот где-то взлаяла собака — пришлось замереть, затаить дыхание, пока злобный лай цепного сторожа не сменил самозабвенный стрёкот кузнечиков.

Подсолнухи и гряды с морковью, укропом и свёклой кончились внезапно — плетень обвалился, и перед Ружанкой открылась узкая улочка. Воздух наполнился запахами свежего хлеба,

печного дыма и навоза. Дома с резными белыми наличниками и голубыми ставнями стояли вдоль улицы, на подоконниках цвели герани. Квохтанье кур смешивалось со стуком топора, скрипом телеги и голосами женщин, переговаривающихся через забор. Невольно отступив на шаг и стараясь слиться с тенью зарослей у плетня, она напряженно высматривала дом Светозара.

Вот он! Третий по счёту, с яблоней у крыльца. Она рванула вперёд, перепрыгивая через глубокие колеи от телег, и чуть не сбила с ног мальчишку, приготовившегося гнать гусиное стадо. Шум, гогот, крики — казалось, вся улица сейчас сбежится. Но обошлось. Гусиный пастух проследовал со своими подопечными в одну сторону, незадачливая беглянка — в другую.

У ограды дома Светозара девица вновь замерла, вглядываясь в сумрак: нет ли кого за спиной? Куры равнодушно копались в пыли у плетня, а на лавке у ворот сидела баушка Ольшана, внимательно глядя в её сторону. Сердце было готово выскочить из груди — на глазах у ведуньи встреча невозможна. Набежавшие слёзы на миг затуманили картинку, а проморгавшись, Ружанка не поверила своим глазам — улица пуста, даже квочки разбрелись по своим делам.

Убедившись в безлюдности, свернула в проулочек. У третьего столбика, соединявшего жерди ограды, замерла — как было условлено. Медленно опустилась на траву, вытянула уставшие ноги и позволила себе перевести дух. Воздух приятно охлаждал не остывшее от быстрого бега тело. Дыхание постепенно выравнивалось, а напряжение понемногу отпускало.

И первые звёздочки показались: знать, час уговоренный настал. Недолго ждать. Взгляд метался по тёмной улице, уши настороженно ловили каждый звук. Каждая секунда тянулась как час. “Где ты сейчас, Матешка?” — пронеслось в голове. Ружанка сглотнула комок в горле, вытерла влажные ладони о подол и тряхнула головой, отгоняя тревогу. Не время сейчас и не место. Где же он?

— Здесь? — спросили грозно за спиной.

— Здесь я, дяденька Бронислав, — резво вскочила и, сама не зная отчего, вдруг зарделась вся.

— Я всё, как уговорено было, исполнил, — староста говорил медленно, чеканя каждое слово. Он не приближался, но его взгляд словно пригвоздил собеседницу к месту. — Тебя по обычаю не отпустил, сестру твою в путь-дорогу благословил.

Ружанка облизнула пересохшие губы, поправила выбившуюся прядь волос. “Благословил... Сказал будто проклял. И взгляд этот. Словно видит, как пляшу я под его дудку. Век обаянной не буду, мне бы только Светозара...” Пальцы дрожали, и она спрятала руки за спину, сцепив их в замок.

— Только и ты, краса, не подведи теперь меня, — его голос стал тише, но от этого зазвучал ещё веселее. — На Купальских кострах Светозар при тебе быть должен. Уразумела? — последнее слово он произнёс резко, почти выкрикнул.

Она молча кивнула и подняла глаза — в них читалась мольба.

— А то побежит ещё сестрицу твою ворочать, — добавил тише, но в этом шёпоте было больше угрозы, чем в крике. Покачал головой, тяжело вздохнул, будто девичья нерешительность его разочаровала, и вопросительно уставился на старшую дочь Лучислава.

— Уразумела, дяденька Бронислав, — едва слышно выдохнула собеседница, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— А то ведь и река помнит, кто по ней плывёт. И лес слышит, кто по тропам ходит.

“Река помнит... Лес слышит... К чему это он? Следит за мной?”

— Так и вы помните...

— Что ещё?! — голос стал грубым, резким, явственно послышалась угроза.

Отшатнулась Ружанка и дрожащими губами неуверенно закончила:

— Про сватовство я... Что серьёзно всё... Что будет...

— Будет-будет. Не сомневайся, краса. Это от тебя не уйдёт, — Бронислав сделал шаг назад, шумно выдохнул и улыбнулся в бороду, но глаза по-прежнему гневно буравили юную нахалку. — Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

“Слово не воробей... А у тебя, дядька Бронислав, похоже, целая клетка с ними. И все — с когтями.” Потупив взор, девица склонила голову в знак благодарности и отступила вдоль жердей к спасительному проулку. Староста только хмыкнул, развернулся и зашагал прочь, тяжёлые сапоги глухо стучали по земле.

Ружанка смотрела вслед, пока фигура мужчины не скрылась за поворотом. И только тогда заметила — в тени старой яблони, у плетня, кто-то стоял. Неясно, мужчина или женщина, но взгляд она ощутила кожей. Дрожащими пальцами сжала беленький платочек и заставила себя сделать шаг вперёд, потом ещё один. В голове билась мысль: “Кто это? Следил за нами? Или просто прохожий?”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.